

ПО МАРШРУТУ ВОСЬМЕРКИ

ЛЕОНИД ИЛЬИЧЕВ
Литератор. Публиковался
в коллективном сборнике
«Новчег» (2019) и литера-
турных журналах.

Открытие мира

Мне три года и три дня, и это первое воспоминание хранится в моей памяти до сих пор. Мы живем с родителями, братом и домработницей на Моховой, в коммунальной квартире. Слева дом писателя Гончарова, с его тремя романами на «0», справа – композитора Даргомыжского, с оперой «Русалка», сзади – Фонтанка и Летний сад – привычная картина мира.

Мы с няней идем вперед, к Цирку, к улице Белинского, мимо ТюЗа – бывшего Тенишевского училища (привет Мандельштаму и Набокову). Идем рядом, но когда у заброшенной церкви я вижу толпу, няня хватается меня за руку. Высоко на доме напротив, через улицу, большая черная тарелка радио вещает тяжелым голосом диктора. Оглядываюсь вокруг и вижу: многие женщины плачут, а немногие мужчины – без шапок. Шапку я снимать не хочу, но думаю: «Надо заплакать на всякий случай», – и плачу. Происходит это, как я позже определяю, 6 марта 1953 года. Умер Сталин.

Похоже, я уже знаю, от кого зависит наша жизнь, потому что второе воспоминание такое: лето, старший на девять лет брат стоит возле газетного щита, я – рядом. Щит большой, на нем должны уместиться восемь полос газеты «Правда». Брат смотрит на фотографию человека в пенсне, это Берия, большой

вождь. Третье воспоминание: мне уже ближе к четырем, зима, холодно, снова чит с газетами, брат читает и говорит: «Берия расстрелян как английский шпион», а я вспоминаю прежнюю фотографию, лицо в пенсне, и удивляюсь: почему шпион. Я знаю про Англию, там живет бабушкина сестра.

Потом – провал в воспоминаниях, после пяти я помню, как мне кажется, все. Ну, если не все, то многое, и многое же понимаю. Не понимаю только тех взрослых, которые сюсюкают со мной и разговаривают, как с маленьким, но я делаю вид, что мне это безразлично.

Картина мира проявляется, как переводная картинка. Со смерти тирана начинается моя осмысленная жизнь. Мне повезло, это случилось в моем бессознательном детстве. Наше поколение все же не знало такого всепожирающего страха, как те, кто помнил его живым.

Раскинулось море широко...

Мне шесть с половиной лет, и родители надумали отдать меня в музыкальную школу.

Петь я давно учусь у домработницы Шуры. Помню, как она ставит на дощатый пол нашей коммунальной кухни скамеечку – это для меня, а сама садится на табуретку, в ногах у нее помойное ведро, рядом на полу – эмалированная миска. Шура берет в одну

руку картофелину, в другую – нож, начинает чистить и поет:

*Каким ты был, таким ты и остался,
Орел степной, казак лихой!*

Я слушаю и зачарованно смотрю, как вьется под ее ножом непрерывная спираль кожуры, чтобы потом упасть в ведро. Очищенную картофелину она бросает в миску. Потом мы вместе варим суп.

Шура живет с нами и спит на раскладушке возле камина, который занимает целый угол комнаты. Скоро она выйдет замуж за моряка по фамилии Цыганов и уйдет от нас. Шура родом из вологодской деревни, неграмотная, поэтому письма на адрес китобойной флотилии «Слава» пишет мой старший брат. Он же читает письма Шуре от Цыганова. Мы впятером плюс виртуальный китобой живем в одной комнате.

На каминной полке стоит радио, оно работает весь день и часто «исполняет песни советских композиторов». А еще у нас пластинки. Иногда, когда старший брат приходит из школы и в настроении, мне удастся уговорить его завести патефон. Брат меняет иголку звукоснимателя, крутит ручку патефона и ставит «Раскинулось море широко». Поет Леонид Утесов. Эту песню я знаю наизусть и часто гастролирую с ней по большой прихожей и длинному коридору, а иногда даю сольные концерты на кухне перед соседками, моими невольными слушательницами. Одна из них, Анна Архиповна, всегда хвалит меня, сравнивая, как я понимаю, с птичкой:

– Хорошо поешь, где-то сядешь...

Еще в моем репертуаре:

*Летят перелетные птицы в осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой.*

Родители решают отдать меня в музыкальную школу, особенно хочет этого мама: она умеет играть «Музыкальный момент» Шуберта и играет его везде, где встретит пианино. Папу она посылает записать меня на прослушивание.

На приемный экзамен мы идем все втроем. Это недалеко: надо пройти по Пестеля, в сторону большой церкви. Потом дойти до Литейного, где гастроном, вход с угла – там прямо напротив входа мороженое и соки из стеклянных конусов, а стаканы переворачивают и моют фонтанчиком. А вообще там продают все: от хлеба до вина и папирос.

Литейный мы переходим и идем к церкви, но не доходим, а огибаем большой дом. (Церковь со временем окажется Преображенским собором, большой дом – домом Мурузи, где раньше жили Блок, Гиппи-

ус и Мережковский, а тогда – шестнадцатилетний Иосиф Бродский.) Проходим позади этого дома весь квартал и еще один.

В вестибюле полумрак, толпа детей и взрослых. Долго ждем, наконец меня выкликают, собирают пятерку детей и куда-то ведут. Поднимаемся по лестнице, плутаем по коридорам, снова идем по лестнице и оказываемся возле класса. Вызывают по одному.

Когда доходит очередь до меня, я подхожу к черному роялю и, как велят, встаю спиной к учительнице, что сидит за клавиатурой, и лицом к двум другим. Она нажимает клавишу и велит мне найти ту, на которую она нажимала, – из трех соседних, белых. Первая – не та, я слышу, вторая – не та, третья – та. Потом простукиваю ритм, который мне ладонями выстукивает учительница, и на предложение спеть что-нибудь громко затягиваю:

*Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали,
Товарищ, мы едем далеко, подальше от нашей земли.*

Это грустная песня. Кончается все печально, кочегар от непосильной работы умирает после вахты прямо на палубе:

*А волны бегут от винта за кормой, и след их
вдали пропадает.*

Мне дают допеть до конца и спрашивают:

– А что ты еще знаешь?

Я называю.

– У, какой серьезный артист, – говорит единственный мужчина-преподаватель. – Можешь идти, молодец.

Через неделю мы с папой находим меня в списке к зачислению. Нужно прийти осенью с документами.

Осенью происходит скандал: по документам выясняется, что мне нет семи лет, и меня выгоняют. На маму кричат:

– Вы нас обманули! Вы отняли место у другого ребенка!

Сказать, что я тогда расстроился, было бы неверно, но избежать обучения музыке не удалось: за Нарвской заставой открывалось новое учебное заведение, и меня взяли туда. Ну, конечно же, на скрипку. Ехать удобно: восьмерка троллейбус идет прямо до места.

И только когда сейчас говорят об Иосифе Бродском, я, бывает, представляю, как меня взяли в ту музыкальную школу, и я каждый день хожу мимо его парадного, под его балконом. Мы встречаемся по дороге или в гастрономе напротив: я, шестилетний, зашел туда купить эскимо, а он, шестнадцатилет-

Кто-то бежит за портвейном, пьют, почти не закусывая, страсти разгораются, мэтр травит байки, переходит на частушки с яркими рифмами. Допив купленное, по первому морозцу все идут до дальней станции метро, не переставая горланить.

Через несколько заседаний пришла очередь читать и мне, новичку. Я не переоценивал качества своих творений и для усиления эффекта решил начать ударно, взяв эпиграф с тетушкиной открытки.

Мэтр восседал за столом, немного сбоку, я встал по центру лицом к публике и начал декламировать:

*Зима. И все опять впервые.
В седые дали ноября
Уходят ветлы, как слепые
Без палки и поводыря.*

Воцарилась гробовая тишина. Народ замер. Стало слышно гудение ламп дневного света. В этой тишине я произнес: «Борис Пастернак». Сделал паузу и перешел на свой текст.

По рядам пробежал шумок, все зашевелились, как будто была команда «Отомри», но дослушали до конца. Двадцать лет спустя первый поэт кружка признался мне, что, услышав начальные строки, он замер с мыслью: «Поэт родился!»

Поэт не родился, но поэзия сыграла важную роль в моей жизни: в литобъединении я заметил одну девушку, в которую влюбился, и, кажется, взаимно, поскольку мы с ней женаты вот уже более сорока лет.

А начиналось все с поиска собственных выразительных средств, с поиска языка.

Память бесконечно колесит по маршруту детства. Я помню каждую остановку восьмерки, и с каждой связан какой-то момент жизни. Это кружение задает соразмерный мне масштаб города, мой ритм, мой лейтмотив, и к нему всегда хочется возвращаться. Возможно, если рассказать об этом другим, сам поймешь что-то важное о себе.

Как это выразить? Стихов я больше не пишу. Скрипка пылится на верхней полке книжного шкафа. Но синий сборник Пастернака со мной, поиск языка продолжается.

